

## Бывшие белые офицеры в РККА в 1920-е годы

*Роман Абинякин*

Завершение Гражданской войны ознаменовалось окончательным распадом дореволюционного российского общества, но формирование новой социальной структуры продолжалось ещё не менее десятилетия. На протяжении 1920-х гг. прежние общественные слои активно трансформировались, частично вращаясь в большевистский режим, частично деградируя и окончательно исчезая, что сопровождалось промежуточной маргинализацией. Наиболее ярко и неоднозначно этот процесс происходил в среде бывшего офицерства Российской империи, утратившего после революции свой привилегированный статус, но по-прежнему остававшегося востребованным благодаря своим профессиональным качествам. Среди десятков тысяч бывших офицеров царской армии особое внимание привлекают те, кто сначала служил у белых, а затем – в Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), поскольку их положение в 1920-е гг. было особенно сложным и противоречивым.

Несмотря на некоторую активизацию исследований с конца 1980-х гг. положение бывших белых офицеров в РККА до сих пор ещё недостаточно изучено. В классической работе А.Г. Кавтарадзе, ограниченной концом 1917 г. – 1920 г., рассмотрен только высший начальствующий состав и к тому же допущен целый ряд неточностей<sup>1</sup>. С.В. Волков осветил только репрессии против белых офицеров, порою схематизируя, замалчивая и даже искажая факты<sup>2</sup>. С.Т. Минаков проанализировал положение советской военной элиты 1920–1930-х гг. в целом, но не ставил целью специальное изучение основной массы бывшего офицерства<sup>3</sup>. Прочие работы, даже весьма информативные, либо затрагивают более поздний период<sup>4</sup>; либо имеют ярко выраженный публицистический характер<sup>5</sup>. Единственным исследователем, уделившим специальное внимание бывшим белым офицерам в Советской России, является А.А. Зданович, широко пользовавшийся недоступной для других историков информацией из закрытых архивов спецслужб<sup>6</sup>. Однако ведение особого учёта, условия постановки и снятия с него бывших белых офицеров, а также изменение их численности в РККА всё ещё нуждаются в специальном исследовании. Богатый материал для этого дают архивные документы Управления по командному составу Штаба РККА. Преимущественно это дела о приёме, оставлении в РККА и увольнении из неё, о принятии на особый учёт и снятии с него, включающие анкеты, ходатайства

© 2013 Р.М. Абинякин

<sup>1</sup> Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов: 1917–1920 гг. М., 1988.

<sup>2</sup> Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2001.

<sup>3</sup> Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов (Состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орёл, 2000; *он же*. Военная элита 20–30-х годов XX века. М., 2004.

<sup>4</sup> Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М., 2000. Обширные документальные приложения, помещённые в книгу, охватывают и предыдущие годы, выходящие за её хронологические рамки.

<sup>5</sup> Черушев Н.С. «Невиновных не бывает...»: Чекисты против военных. 1918–1953. М., 2004.

<sup>6</sup> Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная Армия: Деятельность органов ВЧК–ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008.

и межведомственную переписку. Особую ценность имеют отложившиеся в них документы ВЧК–ГПУ–ОГПУ, направлявшиеся военным, что в известной мере позволяет компенсировать ограниченный доступ в архивы органов госбезопасности.

В условиях активных боевых действий на обширных фронтах Гражданской войны уже к ноябрю 1919 г. резервы командного состава РККА были практически исчерпаны<sup>7</sup>, поэтому тысячи пленных офицеров сразу рассматривались как источник его пополнений. Сугубый прагматизм советского военного ведомства не исключал, однако, их предварительной фильтрации, морально-политической нивелировки и установления над ними бдительного контроля.

С точки зрения мотивации поступления в Красную армию главной была принудительная мобилизация как единственная альтернатива расстрелу или концентрационному лагерю. Однако по своему отношению к такому повороту судьбы пленные офицеры могут быть условно разделены на три группы. К одной относятся немногие попавшие в плен вопреки желанию, а потому деморализованные или, напротив, непримиримые. Они были наиболее подозрительны для властей и имели самое туманное будущее. Вторую группу составляли добровольно сдавшиеся, которые стремились просто вернуться к мирной жизни. Для них был характерен достаточный конформизм в сочетании с полным разочарованием в Белом движении и надеждами на стабильность у победителей. Именно они стали основной массой мобилизованных принудительно, но воевавших старательно на стороне красных. К третьей группе можно отнести немногочисленных, но энергичных служаков, желавших продолжить свою военную карьеру, а потому морально готовых к службе в Красной армии, которая далеко не всегда отождествлялась ими со службой большевикам<sup>8</sup>.

В начале 1920 г., когда по мере поражения войск адмирала А.В. Колчака и Вооружённых Сил Юга России приток пленных резко увеличился, появились нормативные документы, регулировавшие их положение. Первым стал приказ № 278, выпущенный Революционным военным советом Республики (РВСР) 18 февраля 1920 г. В соответствии с ним бывшие белые подлежали первичному опросу в разведывательных органах штабов армий. Затем бо́льшая их часть передавалась в специально создаваемые Особые комиссии при армейских Реввоенсоветах, осуществлявшие «точный поимённый учёт, приём в распределителях и дальнейшую эвакуацию к местам назначения» в лагеря принудительных работ, а другие направлялись *«военными властями (курсив мой. – Р.А.) в распоряжение Особого отдела при РВС армий или флотов для отсортировки»*<sup>9</sup>. Хотя в приказе нет специального упоминания офицеров, вполне логично, что именно они попадали на «сортировку» к чекистам, после чего допускалась отправка «отсортированных» непосредственно Особыми отделами в РККА.

Приказ РВСР № 774 от 7 мая 1920 г. кардинально изменил прежние полномочия Особых комиссий. Теперь они проводили основную фильтрационную работу – откомандировывали «тех, лояльность которых будет в достаточной

<sup>7</sup> См.: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.): Сборник документов. Т. 4. М., 1978. С. 345–346.

<sup>8</sup> Обобщение сделано на материалах 743 бывших белых офицеров, заключённых в Орловском концлагере. Их настроения зафиксированы преимущественно при анкетировании, поэтому прослеживаются достаточно чётко. Более подробно см.: *Абинякин Р.М.* Бывшие офицеры – заключённые Орловского концентрационного лагеря в 1920–1922 гг. // Вопросы истории. 2010. № 11.

<sup>9</sup> РГВА, ф. 11, оп. 6, д. 312, л. 4.

степени выяснена», в Трудовую или Красную армию, а тех, кто вызывал подозрения, отсылали в лагеря принудительных работ. Кроме того, они могли полностью освобождать инвалидов (по результатам освидетельствования) и переводить заключённых из лагерей на принудительные работы по месту жительства. При этом отмечалось, что все «постановления, принятые по отношению к военнопленным офицерам, утверждаются Особым отделом ВЧК»<sup>10</sup>. Данные приказы не затрагивали ни условий военной службы, ни особенностей контроля за бывшими белыми офицерами, занятыми в гражданских учреждениях. Параллельно, хотя и медленно, велась разработка правил использования их в качестве весьма перспективного кадрового резерва.

К 15 апреля 1920 г. в Управлении по командному составу Всероссийского главного штаба (Всеголавштаба) появилась докладная записка № 52. В ней констатировалось, что «в концентрационных лагерях содержатся в заключении лица командного состава, значительному числу коих не предъявлено определённого обвинения»; речь шла исключительно об офицерах, которых предлагалось «настоятельно необходимым использовать... теперь же для нужд Рабоче-крестьянской Красной армии, предоставив им, по освобождении из заключения, соответствующие их служебному стажу должности»<sup>11</sup>. Хотя о принадлежности этих офицеров к белым армиям не сказано, именно они составляли большинство заключённых и содержались без конкретных обвинений (как военнопленные). Наибольший интерес вызывали кадровые специалисты старой армии независимо от их биографии: освобождение их из лагерей абсолютно не было обусловлено выяснением их роли в Белом движении. Кроме того, в красноармейский стаж планировалось засчитывать службу в старой армии.

Уже 20 апреля 1920 г. в Совет Всеголавштаба из Управления по командному составу (Командное управление) была направлена докладная записка № 56. Из неё следует, что ранее имелся проект соответствующего приказа РВСР о наблюдении за бывшими белыми офицерами, предполагавший внесение подробных сведений об их службе в годы Гражданской войны в послужные списки и учётно-воинские билеты. Именно против этого, ссылаясь на нарушение секретности надзора, решительно возражало Управление по командному составу (записку подписали исполнявший должность его начальника А. Мучник, комиссар Карахан и исполнявшие должности начальников командного отдела Якушкин и 4-го отделения Гаврилов). Обстановка открытой подозрительности в отношении принятых в РККА бывших белых офицеров признавалась «невозможной и вредной для дела»: это могло подорвать их командирский авторитет, «на который они вправе рассчитывать при безупречном несении службы и лояльном отношении к Советской власти»<sup>12</sup>. Авторы записки подчёркивали, что их мнение разделял и управляющий делами Особого отдела ВЧК Г.Г. Ягода. Управление по командному составу предлагало сосредоточить негласный контроль за бывшими белыми офицерами в руках комиссаров частей (поскольку признавалось, что их непосредственные начальники могли относиться к ним либо с предубеждением, либо, напротив, с симпатией). Только им следовало совершенно секретным порядком передавать сведения о прежней службе соответствующих командиров. Фактически это означало попытку полностью исключить участие особистов, которые попросту лишались информации.

<sup>10</sup> Там же, л. 9.

<sup>11</sup> Там же, оп. 15, д. 44, л. 1.

<sup>12</sup> Там же, оп. 6, д. 312, л. 29–29 об.

Любопытны здесь не только мотивировки, но и внимание к морально-психологической стороне дела. В записке подчёркивалось, что отметка о службе у белых «кладёт невытравляемый трафарет на всю будущую службу... *большинство* бывших офицеров, служивших в Белых армиях, *принадлежат к трудовому классу, оказались в рядах белых случайно* (курсив мой. – Р.А.), часто автоматически, силою стечения обстоятельств, путём насильственной мобилизации». Поэтому в Командном управлении возражали против неоправданного создания в армии «атмосферы недоверия и гнёта, с одной стороны, и чувства подавленности и изоляции – с другой»<sup>13</sup>. Надо отдать должное смелости и единодушию его сотрудников и бывших офицеров, и комиссаров.

Позицию Управления по командному составу конкретизировали «Общие указания относительно порядка использования бывших офицеров Белых армий», изложенные 10 июля 1920 г. в докладной записке № 192. Согласно данным «указаниям», после фильтрации пленных белых офицеров в особых отделах армий их следовало передавать в распоряжение военных комиссаров с «отзывом», т.е. заключением чекистов, которое в дальнейшем лишь принималось к сведению. Военкоматы отправляли бывших белых офицеров на краткосрочные политические курсы, после чего следовало медицинское освидетельствование (казалось бы, разумнее было отсеять не годных к службе в самом начале, не занимая понапрасну места на курсах; но политический ликбез для вчерашних противников представлялся необходимым априори, независимо от места дальнейшей службы, ибо медкомиссия решала лишь вопрос о пригодности к фронтовому или тыловому использованию, а увольнение вообще не предусматривалось). Затем большинство строевых командиров поступали в запасные части, преимущественно фронтовые, а отдельные специалисты распределялись соответственно своей подготовке – в Главное управление военно-учебных заведений (ГУВУЗ), Главное управление военных сообщений и т.д. Для лучшего контроля направление на передовую следовало производить не одиночным порядком, а в составе пополнений. Назначения на должности предполагалось производить «в соответствии с состоянием здоровья и прежним стажем»<sup>14</sup>. Таким образом в красноармейский стаж планировалось засчитывать службу в старой армии, и это позволяет говорить о намечавшейся (да и неизбежной) преемственности. Более того, на этом же основании разрешалось оставлять бывших белых офицеров на уже занятых ими тыловых местах, освобождая от прохождения общей процедуры зачисления в РККА. Разумеется, это касалось в основном наиболее ценных специалистов – генералов и кадровых штаб-офицеров, так как короткий стаж офицеров военного времени просто не заслуживал серьёзного внимания. Командное управление допускало, по персональному ходатайству, предоставление бывшим белым офицерам краткосрочных отпусков для свидания с семьёй. Правда, при этом особо оговаривалось, что после первого же случая дезертирства все отпуска будут запрещены.

Вскоре появился «Перечень руководящих указаний по вопросу об использовании бывших офицеров из числа военнопленных и перебежчиков» (отсутствие датировки, возможно, указывает на незавершённость работы над данным документом). В нём впервые появилось, хотя и не было ещё конкретизировано, понятие «учёт бывших белых офицеров». Сосредоточить его планировалось в Командном управлении Всероглавштаба. Чекистам предписывалось провести

<sup>13</sup> Там же.

<sup>14</sup> Там же, л. 42–42 об.

скорейшую фильтрацию заключённых, в том числе находившихся в концентрационных лагерях ВЧК, для передачи в ведение военкоматов. Предполагалось ввести контроль за перемещением бывших белых офицеров из штабов фронтов в особые отделы и через штабы военных округов. Наконец, вновь оговаривалось, что информация о них и контроль за ними должны быть переданы в совершенно секретном порядке комиссарам частей (правда, теперь уже наряду с особистами). Крайне важно, что «Перечень руководящих указаний» требовал от ВЧК «сведений, сколько таких лиц прошло через особые отделы, куда направлены, сколько в настоящее время находится в лагерях и других местах заключения и сколько приблизительно может быть освобождено до конца года»<sup>15</sup>. Военное ведомство явно желало контролировать действия чекистов и даже управлять ими.

В конце июля – августе 1920 г. были составлены «Временные правила об использовании бывших сухопутных офицеров из числа военнопленных и перебежчиков Белых армий». Они ограничили количество бывших белых офицеров в каждой части Красной армии 15% от её наличного состава. Недавних противников на фронт должны были сопровождать политработники краткосрочных политических курсов, подчинявшиеся ГУВУЗ, а не карательным органам. Сведения о службе у белых требовалось сообщать «в совершенно секретном порядке» комиссарам частей, но в то же время в послужные списки вносились соответствующие отметки. Тем самым комиссар уже не был единственным обладателем данной информации, поскольку послужные списки проходили обычным делопроизводственным путём через штабы и канцелярии и становились известны довольно широкому кругу лиц. В ближайшем будущем, согласно «Временным правилам», предстояло определить «размер жалованья и порядок уплаты за время от пленения или перехода до назначения в Красную армию (курсив мой. – Р.А.), а также нормы обмундирования»<sup>16</sup>. Характерно решение зачесть «вынужденный простой» во время фильтраций, а то и нахождения в лагерях, в стаж пребывания на довольствии. Выплата денежного содержания и особенно выдача формы были нелишними в условиях сильнейшей инфляции и острого товарного дефицита. Не годных к военной службе разрешалось увольнять (что ранее не оговаривалось).

Однако все эти документы имели сугубо внутренний характер и не были утверждены в качестве официальных распоряжений. На высшем законодательном уровне постановлением Президиума ВЦИК практику особого учёта узаконили только 9 июля 1923 г.<sup>17</sup> Первым же актом центральной власти, определившим положение «бывших белых офицеров и военных чиновников из пленных и перебежчиков» в Советской России и их службу в РККА, стал секретный приказ РВСР № 1728/326, изданный 4 сентября 1920 г.<sup>18</sup> В нём формулировалось само понятие «особый учёт», которому подлежали все бывшие белые офицеры и чиновники, переданные в ведение окружных военкоматов или состоявшие на службе в РККА. В их послужные списки требовалось заносить подробные сведения о службе в белых армиях<sup>19</sup>.

<sup>15</sup> Там же, ф. 11, оп. 6, д. 312, л. 92–93.

<sup>16</sup> Там же, оп. 3, д. 71, л. 10–11.

<sup>17</sup> Там же, ф. 54, оп. 17, д. 389, л. 52, 55.

<sup>18</sup> Там же, ф. 7, оп. 1, д. 186, л. 4–6.

<sup>19</sup> Соккрытие службы у белых было крайне затруднительно и почти всегда выявлялось, что влекло предание суду военного трибунала (Там же, оп. 7, д. 324, л. 67). Пожалуй, лишь генерал-майор колчаковских войск А.Я. Крузе (Крусс) сумел утаить эту часть своей биографии. Во время Великой Отечественной войны он командовал 24-м гвардейским стрелковым корпусом

Сдавшиеся в плен проходили фильтрацию в ближайшем местном особом отделе ВЧК, и те, кого считалось возможным использовать, передавались в соответствующие военные комиссариаты. Оттуда они направлялись на ускоренные трёхнедельные курсы политической и военной подготовки, в программе которых содержались всего две дисциплины – структура Советской власти и организация Красной армии. Обычно они проводились в Москве и Петрограде и лишь по согласованию с Командным управлением и Особым отделом ВЧК – в других промышленных центрах (но не более двух в одном месте), где находились окружной военкомат и крупные концлагеря. Максимальная численность их слушателей не должна была превышать 500 человек. В дальнейшем их предполагалось назначать на командные должности, «как правило», в действующих или запасных частях Западного фронта или внутренних округов. При этом устанавливались лишь территориальные и количественные ограничения: бывших белых офицеров не назначали в места пленения (или сдачи), рождения или постоянного жительства<sup>20</sup>, а их общее число не должно было превышать 15% наличного комсостава части или учреждения<sup>21</sup>.

В приказе чётко указывалось, что бывшие белые офицеры с начала службы в РККА получали все права, денежное и вещевое довольствие командного состава Красной армии (кроме использования отпуска в течение первого года). Оговаривалось также, что «по истечении года службы в Красной Армии бывшего офицера или военного чиновника Белых армий, он снимается с особого учёта, для чего имеющаяся по месту его службы копия анкетной карточки проводится по команде вместе с соответствующим представлением в Командное управление Всероглаштаба», и «с этого времени приведённые в настоящем приказе особые правила на данное лицо не распространяются»<sup>22</sup>. Таким образом особый учёт изначально рассматривался как временная мера.

Приказ РВСР № 1728/326 поражает своим либерализмом, весьма не типичным для времени Гражданской войны. Органы ВЧК практически полностью отстранялись от непосредственного распоряжения принимаемыми в Красную армию бывшими белыми офицерами сразу же после фильтрации. Особые отделы по месту службы заводили дело на каждого из состоявших на особом учёте, но не имели полномочий их контролировать. Особый учёт в отношении служащих в Красной армии становился исключительной прерогативой органов местного и центрального военного управления, а снятие с него не предполагало консультаций с чекистами<sup>23</sup>. Как разъяснял в специальной телеграмме военный комиссар Штаба РККА С. Данилов, «заклучение особого отдела части, хода-

---

и впоследствии стал генерал-лейтенантом Советской армии (См.: *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального Штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 22–24).

<sup>20</sup> Для казаков отступления от данного правила считались недопустимыми. Однако прочих бывших белых офицеров при наличии исключительных обстоятельств или уважительных причин с согласия комиссара части могли назначить даже туда, где они прежде проживали. Местный особый отдел об этом просто информировался.

<sup>21</sup> Среди комсостава маршевых батальонов их могло быть до 25%. См.: *Кавтарадзе А.Г.* Указ. соч. С. 174.

<sup>22</sup> РГВА, ф. 7, он. 1, д. 186, л. 6.

<sup>23</sup> Не обоснованное источниками утверждение С.В. Волкова о том, что нахождение на «особом учёте ГПУ» будто бы «означало не только постоянный надзор, но и почти автоматическое лишение работы», вызывает недоумение (*Волков С.В.* Указ. соч. С. 391). Безусловно, бывшие белые офицеры находились под наблюдением чекистов, но в РККА белогвардейское прошлое было основанием для процедуры особого учёта как раз при поступлении на службу, а не для увольнения.

тайствующей о снятии бывбелых с особого учёта, не требуется»<sup>24</sup>. По тексту приказа, само представление о снятии уже означало прекращение особого учёта, что указывает на предполагавшийся массовый его характер. По-видимому, это объяснялось прежде всего ожиданием в конце лета 1920 г. близкой большой войны, связанной с броском в Польшу и «экспортом революции» в Европу, что делало бывших белых офицеров важным источником пополнения командного состава РККА.

Однако в 1921 г. прекращение особого учёта при радикальном сокращении армии и демобилизации бывших белых было признано недопустимым. Изданный 14 мая 1921 г. секретный приказ РВСР № 1035/180 заметно ужесточил порядок снятия с особого учёта, установив, что теперь он «проводится распоряжением комиссара Штаба РККА по согласованию с Особым отделом ВЧК»<sup>25</sup>. Теперь сами бывшие белые офицеры должны были подавать ходатайства о снятии комиссарам своих частей, а тем, в свою очередь, поручалось подготовить в своих заключениях мотивировку для Управления по командному составу Штаба РККА. Командование части фактически отстранялось от этого процесса. В результате процедура становилась более индивидуальной и объективной (прежде конкретные служебные обстоятельства вообще могли не учитываться), но одновременно появлялась возможность отклонения ходатайств. Кроме того, в данном приказе впервые говорилось об особом учёте бывших белых офицеров, находящихся на гражданской службе. Это явно увязывалось с предполагавшейся демобилизацией, поскольку уточнялось, что в годичный испытательный срок засчитывается и прежняя служба в Красной армии. Однако об особом учёте лиц, вообще не служивших в РККА, при этом не упоминалось. По смыслу приказа, их могли рассматривать наравне с демобилизованными, но вначале их нужно было взять на особый учёт.

6 июля 1922 г. секретный приказ РВСР № 1674/330, напротив, отменил многие ограничения и существенно смягчил положение бывших белых офицеров, остававшихся на особом учёте<sup>26</sup>. Прежде всего им разрешались свободный переход на новые места гражданской службы, увольнение с неё, получение отпуска, а также перемещение по стране и выбор постоянного места жительства. Исключение составила специальная «запретная зона», включавшая территории вдоль западной границы и Черноморского побережья, а также кавказские и среднеазиатские республики<sup>27</sup>. Ни Москва, ни Петроград в неё не вошли. Запрет на проживание по месту рождения или прежнего жительства был отменён по инициативе чекистов. «После стольких лет разлуки с семьёй, ис-

<sup>24</sup> РГВА, ф. 7, оп. 1, д. 186, л. 1. В телеграмме должность Данилова сокращённо названа Наштаресп, хотя официального названия «Штаб Республики» не существовало.

<sup>25</sup> Там же, л. 8.

<sup>26</sup> Там же, ф. 4, оп. 15а, д. 114, л. 529 об.–530.

<sup>27</sup> В «запретную зону» вошли: по северо-западной границе 15-вёрстная полоса по финляндской границе до побережья Финского залива, 5-вёрстная полоса по побережью Финского залива до Петрограда (сам Петроград в «запретную зону» не входил), западная часть Петроградской губернии от железнодорожной линии Петроград–Дно; по западной границе – Псковская и Витебская губернии, Белорусская ССР, Житомирская, Винницкая и Одесская губернии; по южной границе – 30-вёрстная полоса от побережья Чёрного моря в пределах Николаевской губ., Крыма, Кубанской обл., Ставропольской губ., Терской обл., а также все области и республики к югу от них; в Туркестане: Семиреченская, Ферганская, Самаркандская, Туркменская области, Республика Хорезм; в Сибири: Иркутская губ., Минусинский уезд Енисейской губ., Кузнецкий уезд Томской губ., Горно-Алтайский уезд Алтайской губ. В 1925 г. «запретная зона» была сокращена по ряду областей и населённых пунктов Киргизской, Туркменской и Узбекской ССР, а в Украинской ССР она распространялась теперь только непосредственно на пограничные округа.

пытав чёрт знает что, он едва ли рискнёт вторично пуститься в какие-либо авантюры»<sup>28</sup>, – писал Ягода о моральном состоянии «особоучётника» 10 апреля 1922 г. При смене места жительства требовалось обязательное снятие с учёта в покидаемом пункте и постановка на него – в новом, как в губвоенкомате, так и в губотделе ГПУ. Изданный 31 августа 1922 г. приказ ГПУ № 199 подразделил особый учёт на два вида – гласный и негласный. Фактически это означало сохранение надзора за снятыми с особого учёта, которые избавлялись от всех внешних ограничений, но оставались под секретным наблюдением<sup>29</sup>.

Некоторые положения приказа РВСР № 1674/330 конкретизировались в ведомственных инструкциях, содержавших порой его расширительное толкование. Так, разосланный 28 октября 1922 г. циркуляр главного начальника путей и сообщений № 6002875/су не только сообщал об отмене запрета назначать бывших белых офицеров по месту пленения или прежнего жительства, но и вносил некоторые изменения в порядок прохождения документов о снятии с особого учёта служащих в гражданском ведомстве<sup>30</sup>. Теперь непосредственный начальник вначале направлял ходатайство в мобилизационное управление штаба округа, а уже потом оно шло в местный орган ГПУ, т.е. сначала запрашивалось мнение военного органа и только потом – чекистов.

Общее количество бывших белых офицеров, оказавшихся к концу Гражданской войны в РККА, традиционно указывается в 14 390 человек – служивших и взятых на особый учёт в 1921 г. Эта цифра была названа в 1928 г. начальником 2-го управления Штаба РККА (ранее начальником Командного управления) Н.А. Ефимовым<sup>31</sup>. Однако документального подтверждения его сведений в архивных фондах до сих пор не выявлено. В частности, даже в материалах специально созданного в Штабе РККА Отделения по учёту бывших белых офицеров и военных чиновников – самого «профильного» органа – никаких общих списков и статистических сводок нет. Хранящиеся же в РГВА анкеты военнопленных офицеров и чиновников белых армий не содержат сведений о дальнейшей судьбе анкетированных и динамику пребывания на особом учёте и к тому же далеко не полны<sup>32</sup>.

А.А. Зданович ссылается на данные И.Б. Берхина о 2 598 бывших белых офицерах, числившихся в РККА на 1 июня 1923 г.<sup>33</sup> Косвенно это может указывать на приём в армию в 1922–1923 гг. не менее 623 лиц данной категории, так как к концу 1921 г. после увольнения 12 415 бывших белых их оставалось лишь 1 975. Кроме того, постановка на особый учёт вновь выявленных велась и в дальнейшем, хотя и в несопоставимо меньших масштабах – в 1921–1923 гг. таковых случаев обнаружено всего 25. В основном они касались ходатайств об оставлении или принятии в РККА, при рассмотрении которых и обнаруживалась служба у белых. Следует чётко разграничивать эти случаи и принятие местными военкоматами в ходе демобилизации на воинский учёт лиц, уже

<sup>28</sup> Письмо начальника секретно-оперативного управления ГПУ Г. Ягоды о бывших белых офицерах // *Зданович А.А.* Указ. соч. С. 541.

<sup>29</sup> Из приказа ГПУ № 199 от 31 августа 1922 г. // *Зданович А.А.* Указ. соч. С. 546.

<sup>30</sup> РГВА, ф. 7, оп. 7, д. 236, л. 206–206 об. Так обозначена должность в тексте документа. Правильнее – начальник Центрального управления военных сообщений (ЦУП ВОСО).

<sup>31</sup> *Ефимов Н.[А.]* Командный состав Красной Армии // *Гражданская война 1918–1921 гг.* Т. 2. М.; Л., 1928. С. 101.

<sup>32</sup> РГВА, ф. 40215, оп. 1, д. 59–100 (по Югу России), 101–110 (прочие), 114–147 (по Украинской армии).

<sup>33</sup> *Зданович А.А.* Указ. соч. С. 348.



учтённых как бывшие белые<sup>34</sup>. Даже самые массовые увольнения 1924 г. позволили многим из них остаться в РККА. Смысл циркуляра заместителя председателя Реввоенсовета СССР М.В. Фрунзе № 151701/сс отнюдь не сводился к изгнанию из армии бывших белых, как утверждает С.В. Волков<sup>35</sup>. Уволенные «по первой категории», к которой были отнесены политически неблагонадёжные элементы и бывшие белые офицеры, составили 9% от общего числа уволенных (7 447)<sup>36</sup>, т.е. лишь около 670 человек. Впрочем, увольнения бывших офицеров из РККА нуждаются в специальном исследовании.

Среди документов Командного управления обнаружено 63 заявления о приёме в РККА, относящихся к 1921 г. Из них были удовлетворены 49 (77.8%) и отклонены 14 (22.2%). В 1922 г. рассмотрены 163 прошения, положительные и отрицательные ответы распределились поровну (по 72, или 44.2%), а 19 (11.6%) остались нерешёнными. В 1923 г. из 159 подавших заявления 128 (80.5%) были приняты в РККА, а 31 (19.5%) получили отказ. Таким образом, всего выявлены 385 заявлений о приёме на службу в Красную армию, из которых 249, или 64.7%, имели положительный результат. Таким образом число бывших белых офицеров, служивших в начале 1920-х гг. в РККА, составляло не 14 390, а не менее 14 639; после увольнений 1924 г. в армии их оставалось по меньшей мере 585 человек. На 1 января 1925 г. Зданович приводит данные о 397 бывших белых офицерах в РККА, однако едва ли эта цифра точна, поскольку в одном только Украинском военном округе находились при этом 148 (37.3%) из них<sup>37</sup>. Между тем подавляющее большинство бывших белых было сосредоточено в Москве, а также в Сибирском, Северо-Кавказском и Приволжском военных округах<sup>38</sup>. Так, в 1924 г. до массовых увольнений в Украинском военном округе служили 359 бывших белых офицеров, а в Сибирском военном округе – 780. На Украине уволили 181 человека (50.4%). Вряд ли доля уволенных в других округах была значительно больше.

Единичные ходатайства о снятии с особого учёта стали поступать в Штаб РККА уже в 1921 г. Выявлено всего 26 офицерских прошений, из которых 8 (30.8%) удовлетворили, 17 (65.4%) отклонили и по одному (3.8%) решения не было вынесено. В 1922 г. количество ходатайств заметно возросло. Из 395 выявленных просителей 127 человек (32.2%) сняли с особого учёта, 255 (64.6%) получили отказ и 13 (3.2%) остались без ответа. Таким образом, доля положительных решений всё же росла, хотя и незначительно. В мае 1923 г. Особый отдел ГПУ (явно с подачи РВС СССР) отдал своим местным органам распоряжение об ускорении и упрощении оформления их заключений по вопросу снятия с

---

<sup>34</sup> Так, только в Московском военном округе в марте 1923 г. на учёт был принят 151 бывший белый офицер (РГВА, ф. 7, оп. 7, д. 402, л. 4–7 об.).

<sup>35</sup> По словам Волкова, под увольнения 1924 г. попали «практически последние офицеры этой категории, ещё остававшиеся в армии» (Волков С.В. Указ. соч. С. 388–389). Действительно, если из 14 390 бывших белых офицеров вычесть 13 999 уволенных, по подсчётам Волкова, в 1921 и 1924 гг. в РККА их должно было остаться 391. С учётом не замеченных Волковым 55 человек, уволенных в 1923 г. (Ефимов Н.[А.] Указ. соч. С. 101), эта цифра снижается до 336. Однако при этом не учитываются далеко не единичные случаи приёма в 1921–1923 гг. на службу в РККА бывших белых офицеров, как недавно уволенных, так и не служивших в ней ранее.

<sup>36</sup> Реформа в Красной Армии: Документы и материалы 1923–1928 гг. Кн. 1. М., 2006. С. 692–693.

<sup>37</sup> Зданович А.А. Указ. соч. С. 348, 591.

<sup>38</sup> См. РГВА, ф. 25893, оп. 1, д. 791. л. 1–192.

особого учёта<sup>39</sup>. За 1923 г. обнаружены 402 ходатайства, удовлетворены из них 224 (55.7%), возвращены с отказом – 162 (40.3%) и остались без решения – 16 (4%). Тем самым, при незначительном увеличении количества ходатайств число положительных решений резко возросло. Всего за 1921–1923 гг. выявлены 823 заявления, из которых 41 (5%) подано повторно. С особого учёта были сняты 359 бывших белых офицеров (43.6%), а отказано – 434 (52.7%), при отсутствии решений в отношении 30 человек (3.7%)<sup>40</sup>.

16 октября 1923 г. РВС СССР рассмотрел доклад начальника Штаба РККА П.П. Лебедева о растущем некомплекте командного состава. Согласно официальным данным Штаба РККА, в 1922–1923 гг. некомплект начальствующего состава колебался около 15%, но это была лишь общая цифра по всем командным и административным категориям<sup>41</sup>. 20 ноября 1923 г. член РВС И.С. Уншлихт провёл «Совещание о бывших белых офицерах», на котором обсуждались вопросы «О пополнении командного состава РККА бывшими белыми офицерами» и «О бывших белых офицерах, состоящих на особом учёте и ныне находящихся в рядах РККА»<sup>42</sup>. Выступивший на нём начальник Мобилизационного отдела Штаба РККА Н.Л. Шпекторов отметил, что «в настоящее время потребность Красной Армии в командном составе остаётся неудовлетворённой на 35%, причём на одной Украине требуется 5 тыс.». «Единственный источник пополнения некомплекта, – заключал он, – бывшие белые офицеры»<sup>43</sup>. Очевидно, их предполагалось использовать прежде всего на должностях среднего звена, тогда как выпускники командных курсов (краскомы) назначались в основном на должности младшего комсостава. Заместитель начальника Особого отдела ГПУ Л.Н. Мейер в своём выступлении говорил о находившихся на особом учёте 35 тыс. бывших белых офицеров, однако Шпекторов тотчас поправил его, сказав, что их насчитывается до 50 тыс. При этом информация Мобилизационного отдела (тоже неполная) была гораздо точнее: даже на 1 сентября 1924 г., через год после активизации снятия с учёта, на нём продолжало состоять около 51 тыс. человек<sup>44</sup>. В итоге Совещание потребовало от местных органов ГПУ «в месячный срок провести всесоюзную перерегистрацию бывших белых, состоящих на особом учёте, произведя переоценку их в политическом отношении на предмет определения возможности принятия в Красную Армию». Кроме того, оно поручило «Особому отделу ГПУ составить список таких лиц и представить т. Уншлихту на предмет суждения о возможном снятии их с особого учёта и оставления в РККА, в виде опыта»<sup>45</sup>.

С этого момента для снятых с особого учёта бывших белых офицеров никаких ограничений по службе не предполагалось, тогда как оставленные на нём оказывались в неопределённом положении. Впрочем, некоторые из них по-прежнему продолжали службу в Красной армии (А.Х. Базаревский, Е.С. Гамченко, Э.П. Гильбих, Н.А. де-Роберти, А.С. Секретев и Я.А. Слащов)<sup>46</sup>. Любопытно, что вопрос об особом учёте Гильбиха и Слащова был поднят Командным управлением Штаба РККА только 12 июля 1923 г., более чем через полтора

<sup>39</sup> По данным ГПУ, во второй половине 1923 г. было рассмотрено около 5.5 тыс. дел, причём положительное решение принято в отношении 45.5% (Там же, ф. 7, оп. 8, д. 337, л. 1).

<sup>40</sup> Подсчитано по: Там же, оп. 7, д. 92, 97, 109, 236, 356, 384; оп. 8, д. 311–315, 318–336.

<sup>41</sup> Ефимов Н. [А.] Указ. соч. С. 99–102.

<sup>42</sup> РГВА, ф. 7, оп. 8, д. 337, л. 1–1 об.

<sup>43</sup> Там же.

<sup>44</sup> Реформа в Красной Армии: Документы и материалы... Кн. 2. М., 2006. С. 6.

<sup>45</sup> РГВА, ф. 7, оп. 8, д. 337, л. 1–1 об.

<sup>46</sup> Там же, д. 312, л. 617, 676, 748, 761; д. 327 (ч. I), л. 244, 249.

года после их возвращения из эмиграции. Некоторые бывшие белые офицеры, в том числе и увольнявшиеся в 1921–1924 гг., принимались в Красную армию даже во второй половине 1920-х гг.<sup>47</sup>, в том числе через Саратовскую военную школу.

13<sup>48</sup> февраля 1925 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР «О снятии с учёта некоторых категорий бывших белых офицеров». В нём признавалось, что служащие в Красной армии бывшие белые офицеры и военные чиновники доказали свою преданность революции, а потому было решено «снять с особого учёта следующие категории бывших белых офицеров и военных чиновников: а) находящихся к моменту издания настоящего постановления в рядах Рабоче-крестьянской Красной армии и Рабоче-крестьянского Красного флота; б) награждённых орденами Красного или Трудового Знамени, как служащих в Красной Армии и Красном флоте, так и находящихся в запасе»<sup>49</sup>. Конечно, это постановление не могло существенно повлиять на положение бывших белых офицеров в Красной армии, поскольку общее их количество оказалось невелико и многих из них уже сняли с особого учёта прежде. Орденосносцы же среди них были вообще крайне редки и снимались с учёта особым порядком именно на этом основании ещё в 1922–1923 гг., т.е. в отношении них лишь узаконили уже сложившуюся практику К 1 сентября 1926 г. сняли с особого учёта и перечислили в запас почти 32 тыс. человек (из 50 900 состоявших)<sup>50</sup>.

Особым было отношение к тем, кто состоял или мог состоять в запасе. В военном ведомстве усиливалось стремление пополнить ряды начсостава запаса за счёт тех бывших белых офицеров, которые всё ещё оставались на особом учёте и потому их зачислили лишь в тыловое ополчение. Начальник 3-го отдела Управления по войсковой мобилизации и укомплектованию ГУ РККА Чернышёв сетовал, что «пока бывшие белые числятся на особом учёте – они стоят в стороне от всяких операций, производимых с прочими военнообязанными»<sup>51</sup>. Казалось бы, поскольку речь шла о 19 тыс. человек (к 1927 г. на особом учёте их оставалось гораздо меньше, но не менее 8 160), вопрос не имел большого значения, но в действительности, при списочной численности командного состава запаса (наиболее значительной группы начсостава) в 110 тыс., его некомплект был чудовищным, достигая 39.7%. Только в категории «не разыскано» находились около 28 тыс. человек (25.5%), и лишь в 1930 г. их число сократилось до 15 тыс. Кроме того, с воинского учёта сняли по политико-моральным причинам 13 500 человек (12.3%) и по болезни – 2 053 (1.9%)<sup>52</sup>. Серьёзного же пополнения начсостава запаса не было. Так, в 1927 г. удалось подготовить всего 7 500 командиров из числа студентов гражданских вузов<sup>53</sup>. Остававшиеся в 1926 г. на особом учёте 19 тыс. человек, по-видимому, вошли в категорию «бывших белых» среди комсостава запаса. К 1931 г., по данным Управления

<sup>47</sup> Там же, ф. 37837, оп. 21, д. 4, л. 37 об.

<sup>48</sup> В сборнике документов, посвящённом реформе РККА, данное постановление дважды ошибочно датировано двумя разными числами – 11 и 19 февраля 1925 г. (Реформа в Красной Армии: Документы и материалы... Кн. 2. С. 362, 459). Однако в подлиннике стоит именно 13 февраля.

<sup>49</sup> ГА РФ, ф. Р-3316, оп. 13, д. 3, л. 27 об.

<sup>50</sup> Реформа в Красной Армии: Документы и материалы... Кн. 2. С. 6.

<sup>51</sup> РГВА, ф. 54, оп. 17, д. 389, л. 144.

<sup>52</sup> Там же, ф. 37837, оп. 21, д. 5, л. 66–81. По состоянию на февраль 1926 г. комсостава запаса счилились 97 тыс., что повышает некомплект до 44.9%. См.: Доклад Народного комиссара по военным и морским делам К. Ворошилова. 17 марта 1927 г. // Вестник Архива Президента Российской Федерации: Красная Армия в 1920-е годы. М., 2007. С. 149.

<sup>53</sup> Доклад Народного комиссара по военным и морским делам К. Ворошилова... С. 150.

кадров Наркомата по военным и морским делам, состоявшая в запасе «группа бывших белых уменьшилась с 13% (17 тыс.) до 5.5% (6 тыс.)»<sup>54</sup>.

Служба в РККА на практике влияла и на предоставление политических прав участникам Белого движения. Так, согласно опубликованной 26 октября 1926 г. «Инструкции по перевыборам Советов», «избирательные права предоставлялись только тем бывшим белым офицерам и военным чиновникам, которые принимали активное участие в защите СССР, независимо от снятия их с особого учёта»<sup>55</sup>. Хотя в ст. 69 Конституции РСФСР 1925 г. бывшие офицеры не упоминались среди лиц, лишившихся избирательных прав, местные органы нередко расширяли круг «лишенцев» (учитывая, например, происхождение<sup>56</sup>). К этому времени все находящиеся в рядах РККА бывшие белые офицеры с особого учёта уже были сняты. При этом даже уволенные получали статус «командиров запаса РККА», к которым лишение прав не применялось.

На основании постановления ЦИК СССР от 2 ноября 1927 г. (и директивы Главного управления РККА № 767445 вм/2, выпущенной 5 декабря) все бывшие офицеры и военные чиновники белых армий подлежали снятию с особого учёта. Те из них, кто не был лишён избирательных прав, передавались на общий учёт начсостава запаса (не служившие в Красной армии зачислялись при этом лишь в запас 3-й очереди), а лишенцы включались в тыловое ополчение. Списки тех и других передавались из местных отделов ОГПУ в органы военного управления. В директиве указывалось, чтобы местные органы ОГПУ «одновременно со снятием [бывших белых] со своего учёта обязывали [их] явкой в военкомат»<sup>57</sup>. Тем самым прекращался не только особый учёт, осуществлявшийся военными, но и гласный надзор со стороны чекистов. В учётно-воинских билетах у бывших белых категорически воспрещались любые специальные отметки, хотя в военкоматах они записывались в отдельные ведомости.

В 1930–1931 гг. аресты по делу «Весна» и его ответвлениям затронули примерно поровну командиров Красной армии и прочих бывших офицеров, причём подавляющее большинство их у белых не служили. Несомненно, участники Белого движения попадали в те годы под чистку в первую очередь. Однако дальнейшая судьба командиров, представленных военным округом к увольнению или переводу, определялась тогда в специально созданной в Москве «Комиссии по рассмотрению лиц начальствующего состава». А судя по её решениям, бывшие белые офицеры находились в равном положении с остальными увольняемыми. При этом увольнение далеко не всегда влекло за собой репрессии<sup>58</sup>. В мае 1931 г. в докладной записке «О командном и политическом составе РККА», адресованной в ЦК ВКП(б), начальник Политуправления РККА Я.Б. Гамарник подвёл итоги кадровой чистки армии. Согласно его дан-

<sup>54</sup> РГВА, ф. 37837, оп. 21, д. 5, л. 66–70.

<sup>55</sup> Там же, ф. 54, оп. 17, д. 389, л. 21. 11 февраля 1927 г. Президиум ЦИК СССР по ходатайству РВС смягчил ряд положений инструкции. Теперь бывшие белые офицеры, которые не служили в РККА, «но являются в настоящее время членами профессиональных союзов, работая в советских государственных и общественных учреждениях и если они не лишены избирательных прав по другим основаниям», с дозволения местного исполкома (на основании представления его избирательной комиссии) могли принимать участие в выборах (Там же, л. 28).

<sup>56</sup> *Пришвин М.М.* Дневники. 1928–1929. М., 2004. С. 392.

<sup>57</sup> РГВА, ф. 37837, оп. 19, д. 4, л. 133–133 об.

<sup>58</sup> Там же, оп. 21, д. 4, л. 2–188.

ным, на службе осталось всего 122 бывших белых офицера<sup>59</sup>. Основная масса увольнений пришлось на 1930–1931 гг.<sup>60</sup>

Привлечение на службу в РККА бывших офицеров белых армий определялось чисто прагматической целью – необходимостью пополнения начальствующего состава (как в ходе Гражданской войны, так и после её завершения). Несмотря на особый учёт, для уцелевших после чекистских фильтраций бывших белых офицеров сохранение свободы и военной профессии было несравненно лучшей перспективой, нежели расстрел, концлагерь или нищета и безработица. Расширявшиеся возможности для снятия с особого учёта свидетельствовали о его временном характере, а его прекращение в 1927 г. переводило бывших участников Белого движения в разряд командиров запаса РККА, обеспечивая ряд социальных преимуществ, прежде всего в сфере трудоустройства.

Общее количество бывших белых офицеров, прошедших через ряды РККА в 1921–1923 гг., составляло по меньшей мере 14 639 человек, среди которых не менее 249 были приняты уже в мирное время, на фоне массовой демобилизации начсостава вообще, бывших офицеров в частности, а служивших у белых – в особенности. Увольнения же последних при сокращении армии оказались вполне закономерны при избытке столь же профессиональных и хорошо проверенных военспецов РККА. В итоге ко второй половине 1920-х гг. в Красной армии служили как минимум 585 бывших белых офицеров. Вторая волна увольнений пришлось на 1930–1931 гг. одновременно с широкой чисткой начсостава, в результате чего их численность упала до 122 человек.

Находясь под неусыпным контролем, бывшие белые офицеры в РККА не только не представляли реальной опасности, но в основном были кровно заинтересованы в безупречном несении службы и лояльности. Вместе с тем испытывая серьёзный психологический дискомфорт от своей социальной ущемлённости и неуверенности в будущем, большинство из них выглядели ненадёжно и заведомо проигрывали в глазах режима.

---

<sup>59</sup> Там же, д. 84, л. 98–99.

<sup>60</sup> В предыдущие годы их было заметно меньше. Например, в 1929 г. уволили всего 27 бывших белых офицеров (Там же, ф. 54, оп. 1, д. 1235, л. 8).

---

## Русские эмигранты в Морском училище Болгарии

*Асен Кожухаров*

Заслуги русских эмигрантов в развитии искусства, спорта, науки и технического образования Болгарии являются общепризнанными в болгарской историографии<sup>1</sup>. Однако деятельность бывших российских морских офицеров

---

© 2013 г. А.Н. Кожухаров

<sup>1</sup> Рожков С.А. Увод // Руска емиграция в България 1878–2006. София, 2006. С.5–6; Марков Г.Г. Руска емиграция в България. История и съвременност // Исторически преглед. 2010. № 1–2. С. 227–228; Цонев М.Г. Приносът на руските емигранти за научно-техническото развитие на България между двете световни войни // История на науката и техниката в България. София, 2007. С. 42–47.